

Сян Юань, закончив работу в управлении, направился в свои покои. По пути он вдруг вспомнил, что уже давно не готовил что-то своими руками для своей жены, и решил заглянуть на кухню, чтобы приготовить десерт и удивить её. Однако, едва подойдя к кухне, он услышал, как две кухарки вполголоса обсуждают слухи, которые в последнее время активно распространяются среди высшего общества области Тунпин, касающиеся Чжао Шэня.

Сян Юань остановился, его лицо потемнело, и он развернулся, чтобы уйти. Вслед ему донесся голос повара Ци, который вместе с ними переехал в Тунпин.

— Матушки, хватит болтать глупости! Эти слухи явно ложные, мы же знаем, какой наш господин человек. Если вас поймают на сплетнях и выгонят, не говорите, что я не предупреждал.

Сян Юань, сдерживая гнев, вернулся в свои покои, где Чжао Шэнь играл с Сян Дачжуаном на кровати.

Малышу уже исполнилось три месяца, он научился переворачиваться и поднимать голову, и постоянно катался по кровати, иногда случайно переворачиваясь и не будучи в состоянии вернуться обратно. Тогда он начинал дрыгать своими пухлыми ножками, размахивать ручками, похожими на кусочки лотоса, и кричать, как черепашка, перевёрнутая на спину.

Чжао Шэнь смеялся, глядя на него, и, злорадствуя, не спешил помогать, а только поддразнивал, заставляя Сян Дачжуана кричать ещё громче и бороться, пока его лицо не становилось красным, а лоб покрывался капельками пота. Только тогда Чжао Шэнь, смеясь, поднимал его, вытирал мягкой тканью и начинал целовать его щёки, то одну, то другую, словно не мог налюбоваться.

Сян Дачжуан, забыв о небрежности своего отца, прижался к Чжао Шэню, сосал пальчик и с любопытством оглядывался вокруг. Вдруг он заметил Сян Юаня, стоящего у двери, и, почувствовав присутствие отца, выплюнул пальчик и начал кричать, дрыгая ножками.

Чжао Шэнь обернулся и, увидев Сян Юаня в дверях, улыбнулся:

— Ты вернулся? Вода уже готова, иди мойся, скоро будем ужинать.

Гнев, который Сян Юань испытывал, войдя в дом, внезапно утих, когда он увидел эту сцену. Глядя на лицо жены, он понял, что даже если Чжао Шэнь знал о нелепых слухах, он не обращал на них внимания и не беспокоился. Сян Юань облегчённо вздохнул, решив, что раз жена не придаёт значения этим слухам, то и не стоит поднимать эту тему.

Однако, он всё же намеревался наказать тех, кто распространял эти слухи. Обиды, которые пришлось вынести его жене, он возьмёт на себя.

Таких, как Чжао Синьлань, он видел много. Люди, чья жизнь не сложилась, не могут смириться с тем, что у других всё идёт хорошо, особенно если они сами никогда не уважали этих людей. Она, вероятно, не испытывала к нему никаких настоящих чувств, но её недовольство и обида заставляли её совершать необдуманные поступки, чтобы сделать всех вокруг несчастными. По сути, это был чистый эгоизм.

Решив, Сян Юань отложил мысли о Чжао Синьлань в сторону. Такие люди не стоят его внимания.

Однако, к его удивлению, прежде чем он успел что-то предпринять, из резиденции Сунь прибыл слуга в траурной одежде, с белым поясом, и передал приглашение на похороны их госпожи.

После ухода слуги Сян Юань и Чжао Шэнь переглянулись.

Чжао Синьлань умерла?!

На следующий день Сян Юань и Чжао Шэнь, переодевшись в траурные одежды, отправились в резиденцию Сунь. Всё вокруг было покрыто белым. В зале они увидели Сунь Цзюня с впалыми глазами и измождённым лицом, который стоял в стороне. Увидев Сян Юаня и Чжао Шэня, он вздрогнул, и на его лице мелькнул испуг, который он быстро сменил на скорбное выражение. На полу, сжигая бумагу, сидела женщина в белом, с изящной фигурой, вероятно, наложница Сунь Цзюня. Рядом с ней плакала служанка, которую Чжао Шэнь узнал как одну из тех, кто всегда сопровождал Чжао Синьлань.

Сян Юань и Чжао Шэнь зажгли благовония и обменялись несколькими словами с Сунь Цзюнем. Тот был явно не в себе, казалось, смерть Чжао Синьлань сильно его потрясла, и он говорил несвязно.

— Как умерла моя сестра?

Чжао Шэнь всё ещё не верил, что Чжао Синьлань могла просто умереть.

Сунь Цзюнь сглотнул, его взгляд упал на гроб, и он быстро отвел глаза, бормоча:

— Ты же знаешь, мы с твоей сестрой женаты уже много лет, но у нас так и не было детей. Хотя я никогда не упрекал её, она всегда переживала из-за этого. Всякий раз, когда у меня происходило что-то, она устраивала скандал. Недавно мы поссорились, и твоя сестра... она не выдержала и повесилась!

Сунь Цзюнь закончил, его голос дрожал, и он закрыл лицо рукавом.

Чжао Синьлань уже была в гробу, и, хотя Сян Юань и Чжао Шэнь чувствовали что-то неладное,

у них не было доказательств, чтобы потребовать расследования. Сян Юань кивнул Чжао Шэню, и тот едва заметно ответил.

— Сообщение о смерти сестры уже отправлено в резиденцию Чжао в Личжуне?

Сунь Цзюнь ответил, что посланец был отправлен рано утром вчера, и добавил, что Чжао Синьлань была его законной женой, и он скроет истинную причину её смерти, устроив ей пышные похороны.

Вернувшись в свои покои, Чжао Шэнь всё ещё хмурился. Сян Юань, увидев это, мягко провёл рукой по его лбу, чтобы разгладить морщины, и сказал:

— Не думай слишком много. Я уверен, что госпожа Чжао, услышав эту новость, сразу приедет. А пока, если ты чувствуешь что-то неладное, я дам тебе человека, чтобы ты мог тайно всё проверить.

Чжао Шэнь кивнул.

— Чжао Синьлань не из тех, кто мог бы покончить с собой.

Сян Юань согласился. Женщина, подобная Чжао Синьлань, с её эгоцентризмом, скорее бы пережила всех вокруг, чем сама покончила бы с жизнью. Повеситься? Смешно!

Однако, как префект, он не мог открыто выражать сомнения и начинать расследование без каких-либо доказательств. Это могло бы вызвать нестабильность в управлении области Тунпин, и если бы нашлись те, кто захотел бы воспользоваться этим, ситуация могла бы выйти из-под контроля.

Сян Юань поручил Чжао Шэню одного из своих слуг, который прибыл с ним из Цюйчжоу, чтобы помочь в тайном расследовании. Звали его Нью Эр, он был местным хулиганом, которого Сян Юань перевоспитал. Сян Юань заметил в нём смелость и хитрость, поэтому взял его с собой. Нью Эр, никогда не мечтавший о том, что сможет служить рядом с префектом, был вне себя от радости и готов был поклясться, что выполнит любое поручение. В Цюйчжоу местные служащие, во главе с Ян Е, завидовали Нью Эру и перед его отъездом устроили ему несколько «тренировочных» драк. Нью Эр, понимая, что это просто зависть, не злился, а только больше раздражал их, заставляя Ян Е и других сжимать кулаки.

Закончив с этим, Сян Юань начал разбираться с хаосом в области Тунпин. Прежний префект Сун, находясь у власти, стремился только к стабильности и избегал любых реформ. Поэтому, несмотря на наличие удобных условий, таких как гарнизон Сишань и торговля, область Тунпин оставалась одной из самых бедных в эпоху Цзиньнань.

Сян Юань развернул карту, указал на маршрут от области Тунпин до гарнизона Сишань и

дальше за границу, затем отметил пути в области Хэцзянь и Ганьцюань, представляя в уме план развития области Тунпин как центра, связывающего три области и три реки. В области Тунпин был уникальный сорт риса, называемый Сяньяо, который имел стойкий аромат, был мягким и вкусным. Однако из-за того, что этот рис ежегодно забирался в качестве налога, количество фермеров, выращивающих его, сокращалось. Если бы не тот факт, что за один цзинь Сяньяо можно было заплатить налог за двадцать цзиней обычного риса, его бы уже давно никто не выращивал.

Прежде всего, нужно было убедить фермеров выращивать больше риса, а затем, чтобы повысить его популярность, нужно было пересмотреть его упаковку. Как говорится, человеку важно одеяние, а Будде — золото. Без достойного внешнего вида никто не воспримет его всерьёз.

Кроме того, нужно было найти способ заинтересовать местных торговцев и знатные семьи, предложив им выгоду, чтобы они начали двигаться в нужном направлении.

Пока Сян Юань внимательно изучал карту, снаружи донёсся звук барабана, и вскоре слуга поспешно вошёл, сообщив, что кто-то ударил в барабан Дэнвэнь, требуя справедливости, и просил префекта Сян Юаня рассудить его.

<http://bllate.org/book/15532/1381267>